

*Посвящается Квинн и Элле —
лучшим рассказчицам в нашей семье*

Пролог

ИСТОРИИ ИЗ АРХИВА: ПИСТОЛЕТЫ, ЧЕЛЮСТНЫЕ КОСТИ И ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Его верхняя челюсть отличалась массивностью¹ — длинная изогнутая кость с девятью небольшими лунками, в которых некогда держались зубы, почернела от сильного пожара, устроенного неизвестным убийцей. Поднеся ее к глазам, я заметила несколько приставших травинок — органическое свидетельство того, что останки были захоронены у холма в Эль-Серрито, в Северной Калифорнии.

Печально держать в руках фрагмент скелета жертвы убийства, особенно зная, что несчастный так и остался неопознанным. Я взглянула на сотрудницу архива Лару Михельс, которая молча стояла у противоположного края деревянного стола. Мы находились в огромном хранилище.

— А еще что-нибудь есть? — спросила я.

Лара повела меня к длинному ряду больших картонных коробок, их было более сотни, и все предоставлены одним владельцем. Мне посчастливилось получить доступ к настоящей сокровищнице: коллекции материалов, которую в течение пяти десятков лет собирал выдающийся человек, судебный эксперт, криминалист, живший в первой половине двадцатого века. Тот, кому удалось изменить ход расследования преступлений

до того, как оно стало опираться на выводы криминалистов, — американский Шерлок Холмс. Я шла вдоль узкого коридора, ища среди ярлыков на коробках надпись с именем: «Эдвард Оскар Генрих».

Генрих умер в 1953 году в возрасте семидесяти двух лет. И лишь спустя шестнадцать лет его младший сын Мортимер решил передать материалы из лаборатории отца — цитадели истории криминалистики, которая располагалась на первом этаже дома в Беркли, в штате Калифорния, где прошло детство молодого человека. В 1968 году Мортимер передал принадлежавшие отцу многочисленные коробки с материалами уголовных дел, вещественными доказательствами, личными дневниками, письмами, даже любовной поэзией Калифорнийскому университету в Беркли — здесь Оскар учился и впоследствии долгие годы преподавал криминалистику в одном из колледжей.

Архив представлял собой бесценный клад информации, однако учитывая ограниченные средства университета, выделяемые на хранение и исследовательскую работу, почти полвека к коллекции Генриха не притрагивались и не составляли ее опись. В 2016 году я наткнулась на упоминание об Оскаре Генрихе в короткой статье, где говорилось о том, как блестяще он раскрыл одно из своих самых знаменитых дел — ограбление поезда в Сискию* в 1923 году. С изумлением узнав, что ни один из современных авторов до сих пор не написал о Генрихе книгу, я обратилась в университет Беркли с просьбой предоставить мне доступ к этой коллекции с целью ее исследования. Я заручилась согласием Лары Михельс и,

* Сискию — округ в северной части штата Калифорния, США. — *Здесь и далее примеч. пер. Примечания автора даны в конце в особом разделе.*

прождав больше года, начала медленное погружение в причудливый мир Оскара Генриха — самого знаменитого криминалиста, о котором вы вряд ли когда-либо слышали.

Всего в коробках насчитывалось порядка ста тысяч предметов: фотографии, заметки, письма, наброски, копии протоколов судебных заседаний. Огромная неупорядоченная масса вещей хранилась в центре обработки документов университета. Складывалось впечатление, будто Генрих сохранял буквально *каждую* крупицу своей жизни (и профессиональной, и частной), с педантичностью маньяка собирая записки на салфетках, тысячи газет, сотни пуль, десятки финансовых журналов. Сначала я шуточно прозвала Генриха «неуемным барахольщиком», но потом моя коллега, преподаватель психологии Техасского университета, предположила, что подобные симптомы соответствуют клиническим проявлениям обсессивно-компульсивного расстройства личности, проявляющегося лишь у одного процента от общей численности населения. Люди с ОКРЛ² — перфекционисты, они зациклены на порядке и контроле, живут по строгим правилам. Такие люди нередко весьма продуктивны и успешны в работе, однако в личных отношениях часто неудачливы, так как их негибкость выливается в категоричность и даже злобу, если они теряют контроль над ситуацией. Жизнь Генриха, и без того полная стрессов, существенно осложнялась еще и ОКРЛ, но, как автор и исследователь, я очень благодарна педантичности, с которой он регулярно пополнял свою коллекцию. И особенно благодарна за то, что Генрих сохранил такое множество коробок с вещественными доказательствами, фигурировавшими в уголовных делах.

Огромное количество предметов накопилось за десятилетия расследования преступлений. Сотрудница

архива позволила мне осмотреть фрагменты взорвавшейся бомбы, медальон погибшей женщины, которую переехал собственный автомобиль, прядь волос актрисы, умершей во время скандальной вечеринки, и несколько пистолетов, правда, без бойков, изъятых полицией.

Взяв в руки первую фотографию, я с удивлением отметила, что для нервного ученого Генрих оказался весьма привлекательным мужчиной. Худощавый, невысокого роста, с редующими каштановыми волосами. Внимание приковывали резкие черты лица, уверенность во взгляде, с которой он чистил оружие. На протяжении многих месяцев я рассматривала тысячи снимков — одни делали помощники криминалиста, другие он сам. Генрих много фотографировал, тщательно фиксируя место преступления. Я проанализировала сотни мелких деталей: например, как он склонялся над любимым микроскопом, крутя кольцо настройки фокусировки. Как сжимал зубами краешек прямого мундштука курительной трубки, а из ее чаши вилялась тонкая струйка дыма. Как морщил лоб, склоняясь над очередной уликой. Как дужки очков без оправы плотно прилегали к его вискам — необходимое требование для химика, вынужденного подолгу смотреть в микроскоп.

Рассматривая фотографии, я многое узнала о лаборатории Генриха в Беркли-Хиллс — милом районе с видом на залив Сан-Франциско. Ученого окружали необычные приборы: на длинном деревянном столе громоздились микроскопы всех мыслимых видов³, каждый клочок свободного пространства занимали разнообразные пробирки, реторты, мензурки, линзы и весы. Позади Генриха высились полки с сотнями бесценных книг, по крайней мере, для химика, превратившегося в ученого-криминалиста. Библиотека

включала издания по дактилоскопии, прикладной механике, аналитической геометрии и порошкам из растительного сырья.

Названия книг на шести языках озадачили бы любого интеллектуала. Одна обложка гласила: «Кровь, моча, кал и влажность: сборник опытов»⁴. «Мышь в бумаге и ткани» — значилось на другой. У Генриха даже имелся потрепанный словарь уголовного жаргона. Казалось, книги собраны без какой-либо логики, просто склад разномастных учебников в библиотеке гениального безумца. Но каждый том был крошечным кусочком большой мозаики, сложить которую мог только сам Генрих. Передо мной постепенно возникал портрет великого гения и бурной эпохи, в которую он жил.

Эпоха действительно была бурной — число убийств в 1920-х, когда началась увлекательная работа Генриха, выросло на целых восемьдесят процентов⁵ по сравнению с предыдущим десятилетием, и все из-за сухого закона*. В течение тринадцати лет правительство запрещало алкоголь в надежде на снижение уровня преступности, однако в результате эта мера спровоцировала появление новых, более изощренных форм незаконной деятельности. Коррупция — где-то больше, где-то меньше — отравляла местную власть и полицейские участки. Судьи пользовались правом неприкосновенности, а большинством крупных городов управляли главы мафиозных кланов. Увеличение числа тяжких преступлений объяснялось еще и бедностью и безработицей. Многие американцы отчаянно нуждались в охране и защите. И на этом фоне постоянно рос список нераскрытых уголовных дел.

* Сухой закон — национальный запрет на продажу, производство и транспортировку алкоголя, который действовал в США с 1920 по 1933 г.

ФБР, на тот момент именовавшееся еще Бюро расследований⁶, представляло собой группу недостаточно обученных офицеров, которые в основном занимались банковскими ограблениями. Местные органы правопорядка, ограниченные скудным финансированием и отсутствием должной подготовки, при расследовании преступлений пользовались методами, не менявшимися с викторианских времен. Первая государственная криминалистическая лаборатория появилась в стране лишь в 1932 году. Росло число ограблений банков, Америку лихорадило от убийств. Чаще всего жертвами преступников становились женщины, чья новообетенная независимость⁷ порождала у многих людей гнев и ярость.

Устаревшие методы борьбы с преступностью в 1920-х, вкупе с работой, строящейся скорее на интуиции и косвенных уликах, не приносили результатов. Полицейским приходилось противостоять более образованным преступникам — воры и убийцы знали химию, умели пользоваться оружием и прекрасно ориентировались в уголовном судопроизводстве. Служители закона сражались в меньшинстве и нередко уступали противнику в сообразительности.

«Следы ног — вот главный ключ к разгадке дела⁸. К чему нам другие методы установления личности?» — заявил один из высокопоставленных полицейских того времени. В итоге вешали невинных, а бандиты разгуливали на свободе. Изощренные преступления 1920-х требовали сыщика особого типа — профессионала с чутьем оперативника в «поле», аналитическим умом криминалиста в лаборатории и умением толково разъяснять свои выводы широкой аудитории в зале суда. Эдвард Оскар Генрих стал первым в стране уникальным судебным экспертом — одним из величайших криминалистов Америки⁹, которому удалось распутать самые загадочные преступления своего времени.

Однако не все работники органов правопорядка одобряли его необычный подход. В 1910 году, когда Генрих открыл первую в США частную криминалистическую лабораторию¹⁰ в Такоме, штат Вашингтон, к нему отнеслись с презрением и окрестили шарлатаном. Этот самонадеянный теоретик заявил, будто сможет распутать самые сложные преступления лишь с помощью непонятных реактивов и тяжелого микроскопа! Модные твидовые костюмы делали Генриха больше похожим на франтоватого университетского преподавателя, чем на опытного сыщика. И все-таки результаты его работы поражают: за сорок с лишним лет Генрих распутал более двух тысяч дел, что означает от тридцати до сорока раскрытых преступлений в месяц!

Журналисты прозвали Эдварда Оскара Генриха «Американским Шерлоком Холмсом»¹¹, восхищаясь его блестящей работой в лаборатории, невозмутимостью на месте преступления и эрудицией в зале суда. В период с 1921 по 1933 год он из чудака превратился в легенду. Преступления, раскрытые этим человеком, увековечены в книгах, однако сам он для широкой общественности так и остался малоизвестен. Генрих был первопроходцем в мире криминалистики, оставившим глубокий след в истории судебной экспертизы.

Генрих создал новые методики работы, сформулировал протокол действий экспертов-криминалистов, работающих на месте преступления и в лаборатории. Именно он ввел новаторскую практику составления психологического портрета преступника¹² за полвека до того, как в 1972 году в Отделе поведенческого анализа ФБР разработали собственные методы. Во время разбора того или иного преступления современные ученые пользуются наработками Генриха. Он внедрил бессчетное количество исследований, которые ныне

кажутся привычными составляющими в арсенале любого криминалиста: анализ брызг крови, баллистика, снятие и анализ скрытых отпечатков пальцев. Можно смело сказать, что вклад Оскара Генриха в формирование технологий современной криминалистики не меньше достижений любых других ученых двадцатого века. Кроме того, он определил ряд критических ошибок — трудностей, с которыми стражи порядка борются и по сей день.

Многое можно узнать, знакомясь с самыми известными делами, раскрытыми Генрихом. Большинство из них тогда печатали на первых полосах газет, но, к сожалению, ныне все они канули в Лету, как и имя великого криминалиста. Его репутация укреплялась с каждым новым успехом. Однако в нескольких крупных расследованиях Генрих не избежал и промахов: его роковые ошибки записаны в назидание будущим поколениям экспертов. И чтобы осмыслить, где Генрих допустил просчет, следует понять, где он оказался прав. А для этого давайте взглянем на дела, в которых его талант проявил себя в полной мере.

Глава 1

КРОВАВАЯ ВАННА: ДЕЛО АЛЛЕН ЛЭМСОН

Часть 1

Он поочередно опускал стеклянную пипетку то в один пузырек, то в другой, набирая оттуда по паре капель, и, наконец, поставил пробирку с раствором на стол.

— Вы пришли в самый ответственный момент, Ватсон! — воскликнул он. — Если бумага останется синей, все в порядке. Но если она покраснеет, цена этому — человеческая жизнь.

Артур Конан Дойл.
Морской договор. 1893 год*

В саду за домом раздавалось громкое потрескивание — это периодически стрелял искрами небольшой костер, который традиционно разжигали на выходных. Один из череды таких же костров, горевших в ее саду за последние три года. Ее супруг любил сжигать мусор¹³, который собирался за неделю в их домике-бунгало в Северной Калифорнии.

Был вторник, 30 мая 1933 года. Пламя с шипением поглощало огромное количество отходов: садовые обрезки, завядшие артишоки¹⁴, давно высохших улиток,

* Цитаты из произведений Артура Конан Дойла здесь и далее в переводе О. Акопян.